

МАРКЕР // четверг, 22 декабря 2011 года

Потери «Транснефти» от хищений составляют более 1 млрд рублей в год

Директор службы безопасности АК «Транснефть» Михаил Морозов рассказал «Маркеру» о том, как сложно охранять нефтепроводы в век высоких технологий, какие законодательные инициативы нужно принять, чтобы эффективно бороться с преступниками, а также сколько компания теряет на врезках.

Зачем охране «Транснефти» беспилотники

Фотография © пресс-служба «Транснефть» и с сайта greekradio.ru

Директор службы безопасности АК «Транснефть» Михаил Морозов рассказал «Маркеру» о том, как сложно охранять нефтепроводы в век высоких технологий, какие законодательные инициативы нужно принять, чтобы эффективно бороться с преступниками, а также сколько компания теряет на врезках.

— Правительством подготовлен ряд поправок, которые дадут возможность «Транснефти» создать вневедомственную охрану. Какие новые полномочия получит ваше ведомство?

— Долгое время при осуществлении охраны нефтепроводов мы руководствовались нормами закона «Об организации поставок для федеральных государственных нужд». Но он напрямую не регулирует осуществление охранных функций. Этим летом был принят закон «О безопасности объектов ТЭКа». В нем прописаны очень важные моменты: нормативы антитеррористической

защиты, требования к персоналу, обеспечение информационной безопасности систем, паспортизация объектов. С принятием поправок в закон «О ведомственной охране» и «Об оружии» мы получим уже нормальную полноценную законодательную базу для осуществления своей деятельности по охране наших объектов.

— Что непосредственно изменится после вступления в силу этих поправок для службы безопасности «Транснефти»?

— Во-первых, сейчас у нас безопасность магистральных нефтепроводов обеспечивают охранные подразделения дочерних обществ компании. В дальнейшем они будут объединены в единую структуру, которая сможет более эффективно взаимодействовать с органами МВД.

Во-вторых, сегодня работники подразделений охраны фактически действуют на основе двух правовых норм: действия в пределах крайней необходимости и необходимой самообороны. Это значит, что они, как и любой другой человек, могут лишь заблокировать преступника до прибытия сотрудника органов внутренних дел и не более того. Прежде всего поправки дадут охране дополнительные права: проверять документы, удостоверяющие личность граждан; досматривать машины; производить задержание лиц, совершивших преступления на охраняемых объектах, а также производить личный досмотр, изъятие вещей и документов; преследовать и задерживать лиц, незаконно проникших на охраняемые объекты.

Но всё это только на объектах «Транснефти» и в 50-метровой охранной зоне нефтепровода.

— Какова на сегодняшний день численность охранных структур «Транснефти»?

— В охранных подразделениях работает не более 20% сотрудников «Транснефти». При этом применяемая расчетная численность охранников на один пост — пять человек — существенно ниже, чем в существующих структурах государственных подразделений ведомственных охран министерств и ведомств и в подразделениях вневедомственной охраны МВД России.

Естественно, с учетом криминальной обстановки в отдельных регионах субъектов Российской Федерации плотность охраны увеличена — например, в Республике Дагестан. Помимо этого мы взаимодействуем с вневедомственной охраной МВД там, где это целесообразно и возможно. Сейчас на МВД возложено много задач — по охране объектов, подлежащих обязательной государственной защите, по охране должностных лиц, — и не хватает людей, для того чтобы обеспечивать охрану и наших объектов в прежних объемах. Поэтому мы будем продолжать сотрудничество только в тех регионах, где обстановка особенно напряженная. В том числе и на Северном Кавказе.

— Будет ли проводиться перевооружение подразделений охраны?

Не будет. Степень вооружения должна соответствовать реальности угрозы. Наши сотрудники и сегодня имеют право носить служебное оружие для выполнения своих обязанностей. Это непосредственно охранники и начальники караулов. То оружие, которое есть у наших

подразделений, — это в первую очередь средство самообороны. Тем, что мы вооружим охрану автоматами, танками или пушками, мы ситуацию не изменим. Кроме того, само наличие оружия может спровоцировать нападение.

— Какие меры помимо создания охранных подразделений предпринимаются «Транснефтью» для борьбы с хищениями?

— Все наши нефтепроводы оборудованы системами обнаружения утечек. Когда они создавались более 20 лет назад, они были ориентированы на обнаружение резкого понижения давления, то есть какой-то аварийной ситуации. Потом мы их дорабатывали, совершенствовали, и сейчас эти системы используются как один из способов обнаружения фактов хищения. Где-то нам это удается более эффективно, где-то менее.

Мы повышаем уровень материально-технического обеспечения патрульных групп. Обновляются автопарк, средства связи, наращивается потенциал поисковой техники. В настоящее время на вооружении подвижных групп охраны находится более 600 поисковых приборов различных типов и принципов действия, помогающих в обнаружении замаскированных несанкционированных врезок.

Вводятся в эксплуатацию системы, которые контролируют количество входящей в трубопровод и исходящей нефти. Например, в Дагестане за последние годы было установлено несколько дополнительных узлов учета нефти, для того чтобы можно было локализовать участки, где есть врезки. Но сама по себе эта мера тоже не является панацеей, если воровство осуществляется в относительно небольших объемах. К примеру, на трубе диаметром 1000 мм и давлением 40 атмосфер, если украдут 20 т, то это будет сложно определить, пока не задержим цистерну с нефтью.

Для того чтобы организовать борьбу комплексно, мы постоянно ведем поиск, отбор и внедрение новых систем. Например, чувствительный к вибрациям кабель — мы его предполагаем использовать как для обнаружения утечек нефти, так и чтобы предотвращать врезки, когда еще копают, шурфуют и т. п. Это система сейчас активно внедряется.

Также мы сейчас работаем над тем, чтобы снизить влияние субъективного фактора на качество организации охраны. Для этого мы внедряем технические средства контроля: используем систему ГЛОНАСС для контроля движения подвижных групп, охраняющих магистральные нефтепроводы, нарабатываем практику применения беспилотных летательных аппаратов для наблюдения за нефтепроводами, испытываем оборудование радиолокационного обнаружения.

— Сколько тратит «Транснефть» на обеспечение безопасности своих объектов?

— Сумму, которая тратит «Транснефть» на безопасность, определить сложно. Но могу привести такой пример для иллюстрации: в последнее время были проведены работы по усилению антитеррористической защиты объектов. Особенно остро этот вопрос встал после диверсии на Баксанской ГЭС. Тогда эта проблема обсуждалась на заседании правительства, и была

поставлена задача усилить безопасность объектов ТЭКа, привести энергетические объекты в соответствие с требованиями по антитеррористической защите. При этом что мы по степени оснащённости были на довольно высоком уровне, нам потребовалось несколько миллиардов рублей, для того чтобы все требования оказались выполненными. Эти деньги были выделены решением правительства и направлены на укомплектование подразделений, организацию рубежей охраны, обеспечение необходимого количества постов.

— А сколько в среднем «Транснефть» теряет из-за хищений?

— Данный вид нарушений относится к разряду латентных, поэтому не всегда можно с достаточной точностью оценить объёмы похищенного. Но, к примеру, по Дагестану за пять месяцев этого года мы потеряли более 50 тыс. т нефти. Это 15 железнодорожных эшелонов. Если грубо умножить это число на 20 тыс. рублей, то получится, что потери от хищений составили около 1 млрд рублей.

Но существуют потери и другого рода. При ликвидации врезки нам иногда приходится останавливать нефтепровод, ставить заплатку или вставлять новый кусок трубы. Все это влечет за собой как дополнительные затраты, так и риски, связанные с возможными авариями.

— В каких регионах сложилась наиболее сложная ситуация с хищениями нефти?

— У нас до сих пор сложная ситуация по Дагестану, Самарской и Иркутской областям — там существует сложившийся криминальный рынок нефти. В Ханты-Мансийском автономном округе ситуация обострилась в последнее время. Мы выезжали во все эти регионы, встречались с руководителями правоохранительных органов, руководителями регионов, наметили планы совместной работы. Недавно мы ездили в Дагестан. После обсуждения проблемы руководством республики было принято решение о создании межведомственной группы, которая ежеквартально будет обсуждать вопросы, связанные с обеспечением безопасности магистральных нефтепроводов. Нами совместно с главами республиканского МВД и УФСБ будет разработан региональный план, который будет определять конкретные мероприятия по пресечению хищений из системы магистральных нефтепроводов. Дагестан — сложный регион, но не безнадежный: общими усилиями ситуацию мы поправим.

Что касается ситуации на магистралях, по которым транспортируются нефтепродукты, то наиболее тяжелая ситуация — в Челябинской и Ленинградской областях.

— Сколько врезок обнаруживается за год?

— В этом году мы обнаружили около 200 врезок — это на 30 % меньше чем в 2010-м. Год от года мы фиксируем снижение количества — в прошлые годы находили до 1 тыс. Но снижение количества обнаруженных врезок — это тоже повод для беспокойства. Я всегда задаю себе вопрос об истинных причинах того или иного явления. Может быть, преступники перестали воровать, а может быть, их методы стали более совершенными и мы должны поменять тактику? Ведь сегодня мы отмечаем, что со снижением количества врезок произошло качественное

изменение характера преступлений. Если 10 лет назад врезаться в трубу пытались, чтобы заправить зерносушилку или украсть топливо для сельской котельной, то теперь хищения нефти — это серьезные затраты, как материальные, так и людские. Сейчас эти группы хорошо оснащены — у них новые машины, для прокладки труб они используют оборудование горизонтально направленного бурения. К примеру, в Дагестане мы сейчас обнаружили 15-километровый отвод от нефтепровода — трубы пролегли на глубине до 14 м. Для этого преступники пробурили 75 шурфов. Вы представляете, какая была задействована техника? Это многомиллионные затраты уже на этапе подготовки.

Были случаи, когда мы обнаруживали дистанционно управляемые задвижки на врезках, веб-камеры, при помощи которых преступники следили за ними, маячки, сигнализирующие о приближении человека к месту врезки.

— Сколько уголовных дел было возбуждено и сколько человек осуждено за хищения нефти?

— За прошлый год осуждено за хищение нефти 36 человек, а задержано было 130. По Дагестану осуждено 12. Но зачастую, несмотря на тяжесть преступления, виновные получают условные меры наказания и тут же возвращаются к своей деятельности. Мы сталкиваемся с тем, что за хищение нефти осуждаются подставные лица: наркоманы, пьяницы или люди, которые уже сидят. Бывали случаи, когда есть задержанные, есть отводы от нефтепровода, но уголовное дело либо приостанавливается, либо прекращается, техника возвращается владельцам и через некоторое время мы их снова задерживаем, но уже на другом участке трубы. Это уже не вопрос непосредственно безопасности, а вопрос правоприменительной практики и работы судебной системы.

Нам часто говорят: «Транснефть» не может обеспечить безопасность нефтепроводов и поэтому возникает черный рынок. Но здесь, на мой взгляд, логика нарушается. Есть сбыт — есть хищения. В Советском Союзе не было рынка сбыта и переработки ворованной нефти, не было и воровства.

Сегодня подходить к этому вопросу необходимо комплексно. Просто отковыривать врезки или патрулировать нефтепровод по всей длине — это бесперспективно. Наша задача дезорганизовывать преступников, добиться того, чтобы применяемые меры безопасности, сотрудничество с правоохранительными органами сделали криминальный бизнес нерентабельным. Тогда мы добьемся, что нефть не будут воровать — по крайней мере, в таких масштабах.